

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.3)

EDN [DTYFHQ](https://edn.dtyfhq)

Научная статья

ПРОНАТАЛИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВА: ПОДХОДЫ, ПРАКТИКИ, ПРОБЛЕМЫ

Жадунова Н. В.

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия
E-mail: zhadunovan@mail.ru*

Максимкина О. И.

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия
E-mail: maximkinaoi@mail.ru*

Пахмутова Е. Д.

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия
E-mail: pahmutova@mail.ru*

Для цитирования: Жадунова, Н. В. Пронаталистские стратегии государства: подходы, практики, проблемы / Н. В. Жадунова, О. И. Максимкина, Е. Д. Пахмутова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 40–58. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.3). EDN [DTYFHQ](https://edn.dtyfhq).

Аннотация. Статья посвящена анализу современных подходов к пронатализму как государственной стратегии, направленной на повышение рождаемости, сравнительному анализу существующих практик, выявлению ключевых проблем и ограничений пронатализма. Материалами исследования послужили российские и зарубежные публикации в периодических научных изданиях, доклады международных организаций, статистические данные Росстата. Концепция пронатализма анализировалась в контексте многообразия подходов к ее реализации в России, некоторых европейских государствах, имеющих национальные, религиозные и социокультурные отличия. Авторы приходят к выводу, что пронатализм во многом обусловлен ценностно-нормативными изменениями, трансформацией системы личных и общественных приоритетов, где традиционной семье и деторождению отводится не главная роль. Повлиять на эти процессы возможно различными методами, каждый из которых имеет не только преимущества, но и существенные ограничения – среди них подмена ценностного отношения к семье и деторождению экономической целесообразностью; увеличение нагрузки на женщин, для которых семья, дети и карьера в современном мире имеют одинаковое значение; этические и психологические трудности.

Ключевые слова: пронатализм, ценности, семья, деторождение, демографическая и семейная политика, суммарный коэффициент рождаемости

Введение

Снижение рождаемости в развитых странах сегодня является не только демографической, но и экзистенциальной проблемой, раскрывающей изменение ценностного отношения к семье и деторождению. Одним из способов ее решения служит пронатализм как политика активного стимулирования рождаемости. Прона-

талистские стратегии – это комплекс демографических мер, направленных на стимулирование рождаемости и повышение суммарного коэффициента рождаемости (далее – СКР) до уровня, превосходящего простое воспроизводство населения (не менее 2,1 ребенка на женщину). В условиях глобального снижения рождаемости, особенно в развитых странах, пронатализм становится ключевым направлением государственной политики.

Дискуссионным остается вопрос о том, что в целом демографическая политика в области рождаемости обусловлена изменением тенденций развития общества, а именно: изменением репродуктивного поведения людей – желания реализоваться не только в контексте создания семьи и деторождения, но и заботы о собственном комфорте и благополучии. При разработке пронаталистских решений важно понимать, что на изменение отношения к семье, деторождению и многодетности государство может повлиять, используя идеологические и ценностно-нормативные механизмы, которые имеют отсроченный эффект и должны сочетаться с масштабными социально-экономическими мерами поддержки.

Изучение пронатализма необходимо осуществлять с учетом сложившихся практик:

- подтверждающих или опровергающих эффективность методов социальной инженерии в обеспечении естественного прироста населения, их влияния на желание человека иметь детей и реализацию этих желаний;

- позволяющих определить состав семьи, способный обеспечить устойчивость народонаселения;

- устанавливающих границы вмешательства государства в жизнь семьи, возможность манипулятивного воздействия на детско-родительские и супружеские отношения;

- определяющих баланс между идеологическим влиянием на систему ценностей и внешним воздействием через создание комфортной семейно-центричной среды.

Цель статьи – проведение сравнительного анализа современных подходов к пронатализму как государственной стратегии, выявление ключевых проблем и ограничений пронаталистских стратегий.

Противоречие между амбициозными демографическими целями государств и ограниченной способностью пронаталистских мер изменить глубинные структуры репродуктивного поведения определяет необходимость критического переосмысления теоретических и практических основ пронатализма.

Обзор научной литературы

Пронатализм опирается на концепцию демографического перехода, описывающего этапы движения от высокой рождаемости и высокой смертности к низкой рождаемости и низкой смертности. В ответ на устойчивое снижение рождаемости ниже уровня замещения государства разрабатывают комплекс пронаталистских социально-экономических мер, направленных на изменение репродуктивного поведения граждан. Исследователи в области демографии неоднозначно оценивают эффективность пронаталистских стратегий.

Прежде всего, пронатализм маркирует стремление государства регулировать темпы роста населения исходя из экономической и политической целесообразности этого роста. В течение XX века правительства многих стран использовали доступ к средствам контроля рождаемости и прерывания беременности в качестве демографического рычага. Меры регуляции были направлены на контроль рождаемости (контрацепция и медицинское прерывание беременности), так как высокая рождаемость считалась препятствием для экономического развития, тогда как в XXI веке стало очевидным, что низкая рождаемость представляет реальную угрозу стабильности [1].

В связи с этим моделирование роста народонаселения, определение его резервов и механизмов стимулирования становятся важной задачей, составляющей основу пронаталистской стратегии государства. Ряд авторов, например, С. Е. Воллсет, Э. Горен, Ч. В. Юань и др. отмечают, что на таком фоне решающее значение будут иметь меры политики, направленные на решение демографических вызовов [2].

Зарубежные исследователи, анализируя проблему «демографической зимы», подчеркивают, что низкая рождаемость связана не только с экономическими факторами, но и с гендерным неравенством, несовместимостью карьеры и материнства, а также с изменением системы ценностей в отношении семьи и деторождения [3; 4].

В данном контексте пронаталистская стратегия должна включать не только меры социальной и финансовой поддержки, но и воздействовать на институты труда, образования, здравоохранения, ценностные ориентации населения репродуктивного возраста.

Исследователи, изучающие ценностную детерминацию эффективности пронатализма, отмечают, что религия исторически была пронаталистской силой и способствовала формированию традиционных гендерных ролей, семейного уклада [5; 6]. Так, К. Маккиллиан, анализируя роль ислама в развивающихся странах, приходит к выводу о том, что религиозные убеждения могут стать базисом для повышения рождаемости: «религия формулирует поведенческие нормы, влияющие на репродуктивное поведение; религия обладает средствами для распространения этих ценностей и поощрения их соблюдения; религия является центральным компонентом социальной идентичности своих последователей» [6, с. 54].

Результаты лонгитюдного исследования И. Бубера-Эннсера, К. Бергхаммера (2002–2013 гг. и 2006–2016 гг.) о влиянии религиозности на репродуктивные намерения подтверждают, что практикующие христиане, как правило, планируют и имеют больше детей, чем номинальные христиане и лица, не принадлежащие к какой-либо религии [7]. Взаимозависимость религиозности и уровня рождаемости определяется кроме того «контекстом страны» (эффекты гораздо сильнее в Западной, чем в Центральной и Восточной Европе), активными практиками посещения служб, ценностями и традициями семьи, гендерной принадлежностью респондентов (религиозный эффект сильнее для женщин, чем для мужчин). Ученые приходят к выводу о том, что «религиозные люди (особенно женщины в возрасте 35–44 лет) в конечном итоге имеют больше детей, что отражает их более высокие намерения; причем этот эффект наиболее выражен в странах Западной Европы» [7, с. 13].

Проблему влияния традиций и ценностей на репродуктивное поведение затрагивает Фу Юаньюань. Изучая причины снижения рождаемости в России, он делает следующий вывод: пронаталистская политика должна быть дополнена социокультурными мерами поддержки рождаемости, меняющимися мировоззренческие основы, такими как «развитие системы ухода за детьми»; «вовлечение отцов» (внедрение механизмов, поощряющих участие мужчин в уходе за детьми, к примеру, путем введения обязательной «отцовской» части отпуска по уходу за ребенком); «гибкость «материнского капитала»; «налоговые стимулы и жилищная поддержка»; «институциональная поддержка» (укрепление комплексной поддержки молодых семей, координация усилий в сферах занятости, здравоохранения и образования) [8, с. 179].

Проблема снижения СКР и стремление определить ценностно-нормативные факторы, влияющие на его стабилизацию и последующий рост, анализируются в глобальном исследовании С. Е. Воллсета и его коллег. Авторы приходят к заключению, что повышение уровня образования женщин и доступность контрацепции приведут к тому, что к 2100 г. численность населения Земли составит 6,29 млрд человек (4,82–8,73), а при допущении темпов изменения этих факторов, равных 99-му перцентилю, – 6,88 млрд человек (5,27–9,51) [2]. В работе «Глобальная рождаемость в 204 странах и территориях, 1950–2021 гг., с прогнозами до 2100 г.: комплексный демографический анализ для исследования глобального бремени болезней 2021 г.» такие факторы, как женское образование, удовлетворенная потребность в контрацептивах, плотность населения в жилых районах и снижение смертности детей в возрасте до 5 лет будут способствовать снижению СКР даже при успешной реализации пронаталистской политики [9].

Однако не все ученые видят взаимозависимость между уровнем образования и снижением суммарного коэффициента рождаемости (далее – СКР). Например, М. Ли и К. Земан, изучая демографическую ситуацию в Корее, высказывают мнение о том, что для данного региона снижение рождаемости и увеличение бездетности не зависит от уровня образования женщин [10].

Тем не менее исследователи констатируют, что идея пронатализма является для власти приоритетной, поскольку прирост населения за счет миграционных потоков, по мнению С. Волана, Ж. Пизона, Ф. Эрана, не оказывает существенного влияния на повышение итогового коэффициента рождаемости [11, с. 124].

Большинство отечественных ученых придерживается позиции о необходимости интеграции экономической и ценностной составляющих при построении эффективной пронаталистской стратегии государства. Так, С. Ф. Иванов констатирует, что ««пронаталистским» государствам не удалось избежать снижения рождаемости, но удалось его замедлить» [12, с. 15].

Наиболее показательным фактом положительного влияния пронатализма является ситуация пандемии COVID-19, которая усугубила демографические проблемы в большинстве государств. В то же время исследователи [13; 14; 15; 16] утверждают, что в тех странах (США, страны Северной Европы, Россия), где государственная политика была направлена на стимулирование рождаемости, поддержку семей с детьми, СКР находился на доковидном уровне, а в некоторых возрастных

и социальных когортах женщин репродуктивного возраста даже незначительно увеличился [14].

Среди факторов, оказывающих существенное влияние на повышение рождаемости, демографы выделяют такие, как:

– первичность намерений родить ребенка по отношению к социально-экономическим условиям, мерам поддержки, а также зависимость этих намерений от ценностных установок, определяемых средой, культурой, религией и благосостоянием семей (В. Н. Архангельский, О. А. Козлова, О. Н. Калачикова [17]; Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова и др. [18]; Т. Б. Гудкова [19]; Е. В. Землянова, В. Ж. Чумарина [20]);

– необходимость формирования устойчивой культуры деторождения и многодетности в стране посредством институциональных изменений (доступность дошкольного образования, гибкие формы занятости, социальное признание многодетности (Н. А. Екимова [21]; К. А. Субхангулова [22]);

– целесообразность эффективного контроля рождаемости и создания демографического резерва посредством использования современных репродуктивных технологий, технологий профилактики и лечения невынашивания беременности, профилактики абортов (В. И. Сакевич, Б. П. Денисов [23]).

В. Н. Архангельский отмечает, что детерминация рождаемости комплексом условий жизни заключена в различии намерений и реальной детности. Соответственно, чем они выше, тем сильнее внешние условия влияют на рождаемость. С другой стороны, повышение степени реализации репродуктивных намерений свидетельствует о субъективно более благоприятных условиях для деторождения, в том числе в период реализации тех или иных мер демографической политики [17, с. 233]. В результате длительного исследования ученые выявили очевидную взаимозависимость намерений деторождения и реальной рождаемости, которую необходимо учитывать в государственной пронаталистской политике и предусмотреть создание условий для формирования ценностных установок на семью и многодетность, подкрепленных хорошей социально-экономической базой и мерами поддержки.

Н. А. Екимова также полагает, что «наиболее серьезные трудности сосредоточены в сфере нематериальных побуждений населения к деторождению», и отмечает необходимость мировоззренческой ревизии института брака, ценности деторождения как ценности будущего, позволяющих переломить негативный тренд сокращения численности населения страны [21, с. 412].

В то же время стремление получить быстрые результаты, используя только социально-экономические меры или меры репрессивного, или популистского характера, не дает очевидных положительных результатов. П. А. Кишенин и др. [24], О. Г. Исупова [25] считают, что прямая пронаталистская политика, не учитывающая ценностей и традиций, достаточно однозначно продемонстрировала свою несостоятельность. А. В. Вербенская с коллегами приводит примеры неэффективности как жестких мер (налог на бездетность, запрет абортов), так и мер, направленных на создание условий для встречи потенциальных партнеров (массовые свидания, знакомства в социальных сетях и др.) [26].

Материалы и методы

Теоретическую основу настоящего исследования составили социологический (А. И. Антонов и др. [27]; В. А. Борисов [28]), аксиологический подходы (Е. С. Сметанина [29]; К. А. Шестаков [30]), теория демографического перехода (Ю. Н. Сергеев и др. [31]), которые позволили комплексно рассмотреть специфику пронатализма.

В качестве материалов были использованы публикации в периодических научных изданиях, монографии, доклады международных организаций, официальные демографические оценки и прогнозы Организации Объединенных Наций, данные федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам, данные о естественном движении населения в разрезе субъектов Российской Федерации, представленные Федеральной службой государственной статистики, а также аналитические данные, подготовленные НИУ «Высшая школа экономики», опубликованные в информационных бюллетенях «Демография и миграция. Тренды. События. Цифры»¹.

Отбор материалов для исследования осуществлен на основе семантического анализа заголовков, аннотаций, ключевых слов научных публикаций по проблемам пронатализма и демографической политики. Критериями отбора публикаций для анализа послужили: 1) хронологический охват (приоритет работам, опубликованным после 2015 г., с акцентом на период после 2020 г. для учета постпандемического контекста); 2) релевантность теме; 3) представительность (включены как фундаментальные теоретические работы, так и исследования, посвященные конкретным национальным кейсам); 4) источник (рецензируемые научные журналы, монографии, данные авторитетных международных организаций); 5) география (для анализа выбраны стратегии пронатализма в европейских странах и России).

Концепция пронатализма была проанализирована в контексте многообразия подходов к ее реализации в разных государствах, имеющих национальные, религиозные и социокультурные отличия, современных особенностей, сложившихся практик решения демографических проблем.

Результаты исследования. Сравнительный анализ пронаталистских стратегий

Пронатализм реализуется с использованием различных нормативно-правовых и социально-экономических механизмов; он опирается на религиозные и национальные традиции; его эффективность во многом обусловлена ценностными ориентациями, определяющими репродуктивное поведение.

Наиболее успешными считаются стратегии стран Северной Европы (Швеция, Норвегия, Финляндия), где сочетаются пособия, оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком, доступные услуги по уходу за детьми и гендерное равенство на рынке

¹ Информационный бюллетень «Тренды. События. Цифры». Выпуск 1. Январь–май 2024. Демография и миграция. URL: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/1015016468.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

труда (Г. Эспинг-Андерсен [32]; А. Готье [33]). Так, например, в Швеции СКР стабильно держится на уровне 1,7–1,8, что является одним из самых высоких показателей в Европейском союзе.

Во Франции пронатализм имеет долгую историю, начиная с XIX века, и сегодня во многом эффективен благодаря стимулированию рождаемости у граждан, которые являются потомками мигрантов из бывших французских колоний. В результате Франция сохраняет СКР около 1,8–1,9 [34].

В странах Восточной Европы (Венгрия, Польша) пронаталистские меры, как отмечают Т. Сobotка, В. Скрибек, Д. Филиппов [35], носят популистский характер. Долгосрочная эффективность таких мер – крупные единовременные выплаты, льготные ипотеки, списание долгов при рождении детей – вызывает сомнения. К. А. Субхангулова, анализируя вопросы семейной политики в Центральной и Восточной Европе в 2000–2020-х гг., приходит к заключению, что Центрально-Восточный регион выделяется моделью материнской заботы с минимальным участием отцов в воспитании детей. Матерям предоставляются продолжительные (более протяженные, чем в западном регионе Европы) отпуска по уходу за детьми, однако относительно небольшие размеры пособий (в сравнении с более богатыми европейскими государствами) нередко подталкивают женщин к преждевременному возобновлению трудовой деятельности. В регионе значительно расширилась сеть учреждений дошкольного образования, тем не менее женщины при выходе на работу сталкиваются с их нехваткой [22]. К примеру, исследование Л. Кука, Е. Р. Ярской-Смирновой, В. А. Козлова показало, что упор на финансовые стимулы для рождаемости оказался недостаточным для фундаментального изменения демографических тенденций или образа жизни современных женщин в Венгрии [36].

В Германии, согласно данным Института демографических исследований при финансовой поддержке Общества Макса Планка, стремительные демографические изменения приводят к глубокой трансформации структуры семьи и общества, что выражается в трех ключевых трендах:

– во-первых, стремительное старение населения и снижение рождаемости ведут к сокращению и «вертикализации» семейных структур, когда у человека становится меньше братьев, сестер и двоюродных родственников, но больше живых поколений (прабабушки, прадедушки);

– во-вторых, скорость этих изменений так высока, что порождает значительное неравенство в семейных связях поддержки между людьми с разницей в возрасте всего в 5–10 лет;

– в-третьих, растущая зависимость от миграции как фактора, компенсирующего сокращение численности населения, одновременно усиливает региональное неравенство, концентрируя молодое и экономически активное население в крупных городах и метрополиях².

² The Max Planck Society for the Advancement of Science : [site]. URL: <https://www.mpg.de/en> (accessed on 23.10. 2025).

В России сегодня также наблюдается демографический спад. Так, по данным Росстата³, коэффициент рождаемости уменьшается (рис. 1).

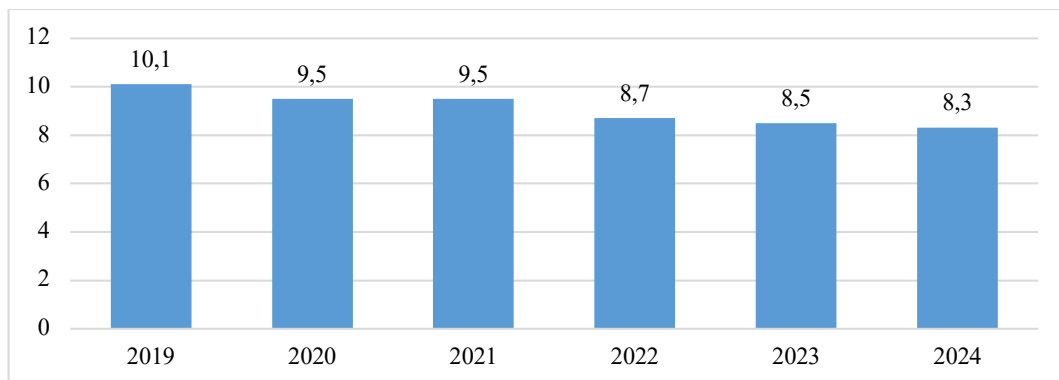

Рис. 1. Динамика коэффициента рождаемости в России за 2019–2024 гг. (по состоянию за январь – июнь соответствующего года)

Fig. 1. Birth rate dynamics in Russia for 2019–2024 (as of January – June of the corresponding year)

Источник: составлено авторами по данным Росстата

По мнению исследователей Высшей школы экономики, «Основная причина уменьшения числа родившихся в 2023 г. – сокращение численности женщин в самых репродуктивных возрастах – от 20 до 40 лет. В целом с 2015 по 2023 г. их численность сократилась на 3,7 млн, а только за 2023 г. – более чем на 0,5 млн, или на 2,7% по сравнению с 2022 г. Уровень рождаемости, измеряемый суммарным коэффициентом рождаемости, изменился всего на 0,01% – с 1,42 рождений на одну женщину в 2022 г. до 1,41 в 2023 г.» [37].

Согласно данным, опубликованным Отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН в кратком обзоре перспектив мирового населения на 2024 г., Россия относится к числу стран, достигших пика населения до 2024 г.⁴ В связи с этим необходимо принять во внимание высокую вероятность снижения влияния политики, направленной на повышение уровня рождаемости, и, как следствие, необходимость поиска комплексных нестандартных решений, позволяющих «продлить» ее позитивные эффекты.

В России пронаталистские тенденции в государственном управлении усилились с 2006 г. с введением материнского (семейного) капитала. Хронологию ключевых пронаталистских мер России можно представить следующим образом:

– до 2020 г. действовала программа материнского капитала на второго и последующих детей, стимулировавшая рост рождаемости с 2007 г., оказала существенное влияние на увеличение числа вторых и третьих детей в семьях;

³ Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_06-2024.htm (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ World Population Prospects 2024: Summary of Results // DESA Publications : [site]. URL: <https://desapublications.un.org/publications/world-population-prospects-2024-summary-results> (accessed 23.10. 2025).

– в 2020–2021 гг. пандемия COVID-19 и высокая смертность сыграли негативную роль в решении демографических проблем, что привело к снижению СКР [38; 39];

– в 2022 – 2023 гг. социально-политические условия также оказали влияние на снижение СКР, при нацеленности на достижение СКР 1,7 реальный показатель был не более 1,41 [21; 40];

– в 2024 г. была скорректирована национальная цель по повышению СКР до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г., учитывая демографические вызовы, в том числе пандемию и геополитическую ситуацию.

Несмотря на расширение мер поддержки с 2020 г. (размер материнского капитала, выплаты на первенцев, продление программы до 2030 г. и др.), они не обеспечили необходимого прироста рождаемости, так как не влекли за собой изменений в сфере трудовых отношений, гендерной политики.

В 2025 г. акцент был сделан на поддержке семей с детьми, увеличении доходов населения, расширении доступности жилья для семей и комплексной реализации национальных проектов. Правительство России утвердило Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г.⁵, определяющую меры по увеличению рождаемости, снижению смертности и улучшению уровня жизни семей (материнский капитал, налоговые льготы, семейная ипотека, социальные контракты, формирование новых условий трудовой деятельности, создающих возможности для принятия решения о рождении ребенка).

В то же время, несмотря на весь комплекс принимаемых федеральных мер поддержки семьи и многодетности, сохраняется региональная поляризация. Исследуя проблему региональной вариации рождаемости и ее связи с социально-экономическим положением российских регионов, О. А. Родина указывает на обусловленность тенденций роста или снижения интенсивности деторождения в регионах не только социально-экономическими условиями, но и в связи с этим на необходимость поиска других детерминант (в том числе культурных, ценностных) [41, с. 81].

Подобные меры имеют долгосрочные эффекты и способны принести ощутимые результаты исключительно в контексте комплексного подхода, предполагающего изменения рынка труда, системы здравоохранения, особенно в части поддержки репродуктивного здоровья, снижения смертности населения трудоспособного возраста, прежде всего мужчин [42].

⁵ Правительство утвердило Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: 11.10.2025).

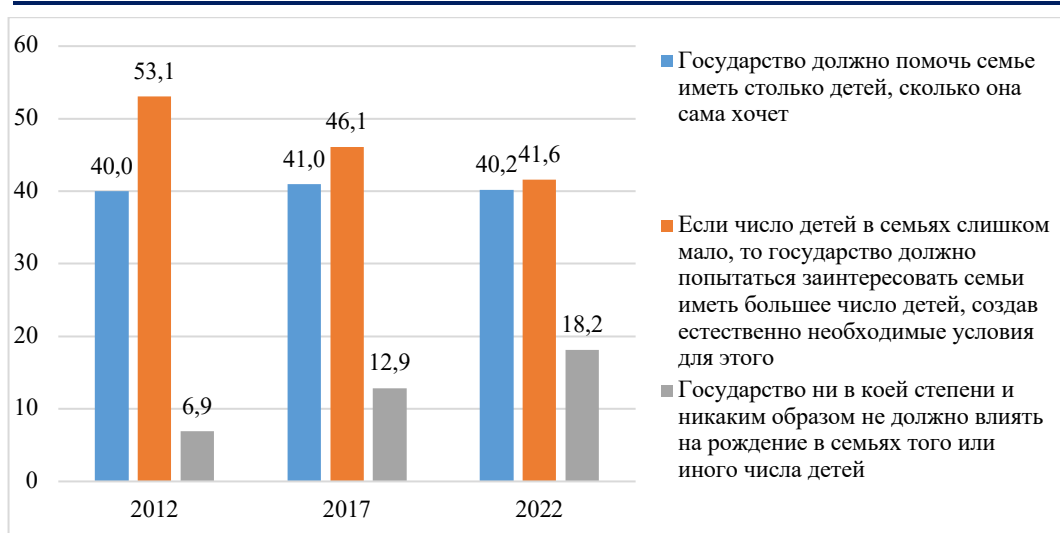

Рис. 2. Динамика мнения граждан о возможном влиянии государства на рождение детей в семьях за 2012–2022 гг. (женщины)

Fig. 2. Dynamics of citizens' opinions on the possible influence of the state on the birth of children in families for 2012–2022 (women)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁶

Рис. 3. Динамика мнения граждан о возможном влиянии государства на рождение детей в семьях за 2012–2022 гг. (мужчины)

Fig. 3. Dynamics of citizens' opinion on the possible influence of the state on the birth of children in families in 2012–2022 (men)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁷

⁶ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 10.11. 2025).

⁷ Там же.

Необходимо учитывать риски «демографического популизма», когда меры принимаются ради краткосрочного политического эффекта, без системного подхода. Кроме того, пронатализм не должен иметь принудительный или морализаторский характер, он должен строиться с учетом мнения граждан о возможности влияния государства на рождение детей в семье. Так, например, необходимо обратить внимание на итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, представленные в результатах федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам. Согласно данным Росстата за 2012, 2017, 2022 гг., наблюдается тенденция к увеличению числа граждан (и мужчин, и женщин), считающих невозможным и нецелесообразным вмешательство государства в вопросы, связанные с решением семьи иметь детей (рис. 2, 3).

Обсуждение. Критика и ограничения пронаталистских стратегий

Пронатализм, вопреки его востребованности и популярности во многих странах мира, в краткосрочной перспективе не приводит к получению очевидных результатов и имеет ограничения, обусловленные повышением уровня жизни, образования, стремлением к комфорту и личному благополучию.

Демографы отмечают спорную эффективность пронаталистских мер в условиях глубоких структурных изменений в современном обществе. Пронатализм несет в себе риски «демографического популизма», которые можно минимизировать при условии детального анализа всех факторов и причин, влияющих на рождаемость, признания того, что финансовая поддержка и льготные жилищные программы не оказывают прямого воздействия на принятие решения о рождении ребенка и не меняют базовых ценностных установок.

Для преодоления ограничений демографы Н. Бальбо [43], С. Бастен [44], Т. Сobotка и др. [45] предлагают переосмыслить пронатализм через концепцию «фэмили френдли» (family friendly policies), согласно которой акцент государственной политики делается не на рождаемости как таковой, а на улучшении качества жизни семей с детьми, создании для них приоритетных условий и закрепления в общественном сознании ценности многодетной семьи. Концепция дружелюбности к семье – набор современных инновационных решений, направленных на поддержку родителей (баланс работы, семейной жизни, личного и профессионального развития и рождения детей). Такая политика предусматривает три типа ресурсов: время на семью, экономические меры поддержки и развитая сфера социальных услуг для семей, которые позволяют упорядочить рабочие и семейные обязательства, повысить качество жизни и уверенность в завтрашнем дне. В России этот подход только начинает внедряться, например, через пилотные проекты по вовлечению отцов в уход за детьми, внедрению корпоративного демографического стандарта⁸,

⁸ ГОСТ Р 72119-2025 Меры поддержки «Корпоративный демографический стандарт». Правила формирования корпоративных программ. Методика оценки работодателей (формирование КПД-рейтинга) // Законодательство России : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1313125398> (дата обращения: 12.10.2025).

создание «комнат матери и ребенка и/или групп кратковременного пребывания детей» в вузах⁹.

Существенным ограничением пронатализма является проблема снижения репродуктивных способностей населения, распространение бесплодия, как в Российской Федерации, так и в европейских государствах [46]. По данным медицинских наблюдений, вклад проблемы бесплодия в потери потенциальных рождений составляет в Москве и в целом по России около 17–21%¹⁰; «ежегодно выявляется порядка 11 тыс. мужчин и 66 тыс. женщин, страдающих бесплодием. Вместе с тем за последние 5 лет снизилась общая заболеваемость бесплодием у мужчин на 25%..., у женщин на 6,5%...»¹¹.

В качестве решения проблемы предлагается расширить доступ всех нуждающихся к недорогостоящим и качественным методам лечения бесплодия и вспомогательным репродуктивным технологиям. Совокупность мер медицинского обеспечения репродуктивных процессов (профилактика аборт, лечение бесплодия и сопровождение беременности) формирует инструментальное ядро пронаталистской стратегии и, по мнению М. Фадди и др. [47], может существенно повлиять на демографический рост.

Таким образом, пронаталистские стратегии, несмотря на общую цель, значительно различаются по инструментарию и идеологическому обоснованию.

Заключение

В условиях «демографической зимы» развитые страны вынуждены разрабатывать и внедрять пронаталистские меры с целью повышения СКР выше уровня простого воспроизводства. Современный пронатализм – это попытка найти баланс между экономической рациональностью, политическими интересами и ценностными установками населения, где на смену личному благополучию и комфорту приходит ценность семьи и деторождения. Критический анализ пронатализма показывает его ограничения и зависимость от сугубо инструментального понимания семьи как источника восполнения будущей рабочей силы. Преодоление этих ограничений возможно при условии сохранения традиционных национальных и религиозных ценностей, определяющих многодетную многопоколенную семью как основу будущего страны.

Содержание пронатализма как государственной стратегии можно очертить по типу способов воздействия на целевую аудиторию. Так, в числе первоочередных и наиболее привлекательных для репродуктивной части населения являются:

⁹ Воспользоваться комнатой матери и ребенка // Национальные проекты России : [сайт]. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-opportunities/vospolzovatsya-komnatoy-materi-i-rebenka/> (дата обращения: 05.11.2025).

¹⁰ Бескаравайная, Т. Суммарные потери в рождаемости из-за бесплодия в России оценили в 17–21% // Медвестник : [сайт]. 22.12.2022. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Summarye-poteri-v-rojdaemosti-iz-za-besplodiya-v-Rossii-ocenili-v-17-21.html> (дата обращения: 12.10.2025).

¹¹ Решение Совета по региональному здравоохранению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Репродуктивное здоровье населения: современный подход к сохранению, диагностике и лечению как фактор улучшения демографической ситуации в стране» // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/Lden83AwdAVq2MOC7viX2xGsAuLvyhtr.pdf> (дата обращения: 18.10.2025).

- финансовые стимулы (материнский (семейный) капитал, различные пособия, социальные и налоговые льготы);
- институциональные меры (доступ к детским садам и дополнительному образованию детей, гибкий график работы, отпуска по беременности и родам, уходу за ребенком);
- медицинская поддержка (профилактика абортов, лечение бесплодия, поддержка беременности, послеродовое наблюдение);
- информационное воздействие, введение своеобразной «моды на семью и многодетность» (пропаганда семейных ценностей, популяризация образа многодетной семьи, поддержка института брака, традиций брачности).

Эффективность комплекса мер варьируется не только в разных странах, но и в разных регионах одного государства. Финансовые стимулы дают краткосрочный эффект за счет реализации «отложенного спроса», однако не влияют на долгосрочные репродуктивные установки. Наиболее устойчивый эффект наблюдается при сочетании всех четырех типов мер.

В демографической политике, реализуемой государством, семья и ее суверенитет не могут рассматриваться как первостепенное условие успешности. Напротив, свобода выбора семьи в вопросах рождения детей и определения их количества может негативно сказаться на приросте населения. Перспективным направлением развития пронатализма становится переход от «политики поощрения рождения» к «политике поддержки семьи» и «политике культивирования традиционных семейных ценностей».

Список литературы

1. *Aitken, R. J.* What is Driving the Global Decline of Human Fertility? Need for a Multidisciplinary Approach to the Underlying mechanisms // *Frontiers in Reproductive Health*. 2024. Vol. 6. Pp. 1–17. DOI [10.3389/frph.2024.1364352](https://doi.org/10.3389/frph.2024.1364352).
2. *Vollset, S. E.* Fertility, Mortality, Migration, and Population Scenarios for 195 Countries and Territories from 2017 to 2100: A Forecasting Analysis for the Global Burden of Disease Study / S. E. Vollset, E. Goren, C. W. Yuan et al. // *Lancet*. 2020. Vol. 396, № 10258. Pp. 1285–1306. DOI [10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2).
3. *Lutz, W.* The Low-Fertility Trap Hypothesis: Forces that May Lead to Further Postponement and Fewer Births in Europe / W. Lutz, V. Skirbekk, M. R. Testa // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2006. № 4. Pp. 167–192.
4. *McDonald, P.* Low Fertility and the State: The Efficacy of Policy // *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32, № 3. Pp. 485–510. DOI [10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x).
5. *DeRose, L. F.* Gender Equity, Religion, and Fertility in Europe and North America // *Population and Development Review*. 2021. Vol. 47, № 1. Pp. 41–55. DOI [10.1111/padr.12373](https://doi.org/10.1111/padr.12373).
6. *McQuillan, K.* When Does Religion Influence Fertility? // *Population and Development Review*. 2004. Vol. 30., № 1. Pp. 25–56. DOI [10.1111/j.1728-4457.2004.00002.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2004.00002.x).
7. *Buber-Ennsner, I.* Religiosity and the Realisation of Fertility Intentions: A Comparative Study of Eight European Countries / I. Buber-Ennsner, C. Berghammer // *Population, Space and Place*. 2021. Vol. 27, № 6. DOI [10.1002/psp.2433](https://doi.org/10.1002/psp.2433).
8. *Фу, Ю.* Социально-экономические причины и экономические последствия низкой рождаемости в России // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2025. Т. 9, № 6(159). С. 175–181. DOI [10.36871/ek.up.p.r.2025.06.09.020](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.06.09.020). EDN [QXRUFI](https://www.edn.ru/10.36871/ek.up.p.r.2025.06.09.020).
9. GBD 2021 Fertility and Forecasting Collaborators. Global Fertility in 204 Countries and Territories, 1950–2021, with Forecasts to 2100: A Comprehensive Demographic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2021 // *Lancet*. 2024. Vol. 40. № 0440. Pp. 2057–2099. DOI [10.1016/S0140-6736\(24\)00550-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(24)00550-6).

10. Lee, M. Childlessness in Korea: Role of Education, Marriage Postponement, and Marital Childlessness / M. Lee, K. Zeman // Demographic Research. Vol. 51, Article № 21, Pp. 669–686. DOI [10.4054/DemRes.2024.51.21](https://doi.org/10.4054/DemRes.2024.51.21).
11. Волан, С. Рождаемость во Франции – самая высокая в Европе. Причина в иммигрантах? / С. Волан, Ж. Пизон, Ф. Эран // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 1. С. 118–126. DOI [10.17323/demreview.v7i1.10823](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10823). EDN [KNZFQT](https://www.edn.ru/KNZFQT).
12. Иванов, С. Ф. Центральный механизм демографического перехода // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9, № 3. С. 4–23. DOI [10.17323/demreview.v9i3](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3). EDN [LWMCHT](https://www.edn.ru/LWMCHT).
13. Aassve, N. Early Assessment of the Relationship between the COVID-19 Pandemic and Births in High-Income Countries / N. Aassve, L. Cavalli, N. Mencarini, S. Plach, S. Sanders // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2021. Vol. 118, № 36. Art. e2105709118. DOI [10.1073/pnas.2105709118](https://doi.org/10.1073/pnas.2105709118).
14. Bailey, M. J. The COVID-19 Baby Bump in the United States / M. J. Bailey, J. Currie, H. Schwandt // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2023. Vol. 120, № 34. Art. e2222075120. DOI [10.1073/pnas.2222075120](https://doi.org/10.1073/pnas.2222075120).
15. Вакуленко, Е. С. Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований / Е. С. Вакуленко, М. Р. Макарова, Д. И. Горский // Демографическое обозрение. 2022. № 9(4), С. 138–159. DOI [10.17323/demreview.v9i4.16747](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747). EDN [JJOCPJ](https://www.edn.ru/JJOCPJ).
16. Казенин, К. И. Изменения в рождаемости на фоне пандемии COVID-19: опыт исследования российских регионов / К. И. Казенин, Е. С. Митрофанова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 14–30. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2370](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370). EDN [SNOIFT](https://www.edn.ru/SNOIFT).
17. Архангельский, В. Н. Значимость исследований репродуктивных намерений населения для прогнозирования рождаемости / В. Н. Архангельский, О. А. Козлова, О. Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18, № 3. С. 223–235. DOI [10.15838/esc.2025.3.99.12](https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.12). EDN [LYBQJP](https://www.edn.ru/LYBQJP).
18. Андреев, Е. М. Российская рождаемость в XXI веке и перспективы ее повышения / Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова, О. А. Родина, К. О. Черенков // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12, № 2. С. 87–107. DOI [10.17323/demreview.v12i2.27495](https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495). EDN [QRHEL5](https://www.edn.ru/QRHEL5).
19. Гудкова, Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 4. С. 83–103. DOI [10.17323/demreview.v6i4.10428](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428). EDN [OKTILN](https://www.edn.ru/OKTILN).
20. Землянова, Е. В. Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях / Е. В. Землянова, В. Ж. Чумарина // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 6(64). С. 9. DOI [10.21045/2071-5021-2018-64-6-9](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2018-64-6-9). EDN [YUVCHJ](https://www.edn.ru/YUVCHJ).
21. Екимова, Н. А. Моделирование демографического роста в России: факторы, механизмы, резервы // Journal of Applied Economic Research. 2025. Т. 24, № 2. С. 386–414. DOI [10.15826/vestnik.2025.24.2.013](https://doi.org/10.15826/vestnik.2025.24.2.013). EDN [LJQSFU](https://www.edn.ru/LJQSFU).
22. Субхангулова, К. А. Семейная политика в странах Центральной и Восточной Европы в 2000–2020-х годах // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 44–61. DOI [10.17323/demreview.v11i2.21826](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826). EDN [QNFTPU](https://www.edn.ru/QNFTPU).
23. Сакевич, В. И. Региональные особенности контроля рождаемости в России в 2018–2022 гг. / В. И. Сакевич, Б. П. Денисов // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 3. С. 67–87. DOI [10.17323/demreview.v11i3.22715](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22715). EDN [DBZHZN](https://www.edn.ru/DBZHZN).
24. Кишенин, П. А. Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости все вероятнее? / П. А. Кишенин, А. И. Зинина, Т. А. Максимова // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 4. С. 4–43. DOI [10.17323/demreview.v11i4.24288](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288). EDN [NJAYND](https://www.edn.ru/NJAYND).
25. Исупова, О. Г. Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 51–83. DOI [10.17323/demreview.v7i3.11636](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11636). EDN [ESMRDO](https://www.edn.ru/ESMRDO).
26. Вербенская, А. В. Политика повышения рождаемости в поисках нестандартных решений / А. В. Вербенская, Т. А. Камалова, Н. В. Тонких // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 82–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5). EDN [ISYUZY](https://www.edn.ru/ISYUZY).
27. Антонов, А. И. Демографические процессы в России XXI века / А. И. Антонов, В. М. Медков, В. Н. Архангельский; отв. ред. А. И. Антонов. Москва : Грааль, 2002. 167 с. ISBN 594688025X.

28. Борисов, В. А. Перспективы рождаемости. Москва : Статистика, 1976. 248 с.
29. Сметанина, Е. С. Социологический анализ проблемы рождаемости в современной российской семье // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 1(34). С. 107–112. EDN [YICTJH](#).
30. Шестаков, К. А. Роль аксиологического фактора в управлении репродуктивным поведением // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2008. № 3. С. 73–75. EDN [RDGNEV](#).
31. Сергеев, Ю. Н. Новая концепция демографического перехода / Ю. Н. Сергеев, В. П. Кулеш, В. В. Дмитриев // Биосфера. 2020. № 4. С. 175–195. DOI [10.24855/BIOSFERA.V12I4.557](#). EDN [IJLULE](#).
32. Esping-Andersen, G. The Incomplete Revolution: Adapting to Women's New Roles // European Sociological Review. 2011. Vol. 27, № 2. Pp. 288–290. DOI [10.2307/41236591](#).
33. Gauthier, A. H. The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature // Population Research and Policy Review. 2007. Vol. 26, № 3. Pp. 323–346. DOI [10.1007/s11113-007-9033-x](#).
34. Breuil-Genier, P. Les immigrants, les descendants d'immigrés et leurs enfants / P. Breuil-Genier, C. Borrel, B. Lhommeau // France, portrait social. 2011. Pp. 33–39.
35. Sobotka, T. Economic Recession and Fertility in the Developed World / T. Sobotka, V. Skirbekk, D. Philipov // Population and Development Review. 2011. Vol. 37, № 2. Pp. 267–306 DOI [10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x](#).
36. Cook, L. Trying to Reverse Demographic Decline: Pro-Natalist and Family Policies in Russia, Poland and Hungary / L. Cook, L. Yarskaia-Smirnova, V. Kozlov // Social Policy and Society. 2022. Vol. 22, № 2. Pp. 1–21. DOI [10.1017/S1474746422000628](#).
37. Денисенко, М. Б. Демография и миграция / М. Б. Денисенко, Е. А. Кваша, Н. В. Мкртчян, Т. Л. Харьковская // Тренды. События. Цифры. Информационный бюллетень. 2024. № 1. 14 с.
38. Смирнов, А. В. Демографические и экономические последствия пандемии COVID-19 в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 22–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](#). EDN [SLFPOW](#).
39. Середкина, Е. А. Тенденции рождаемости в развитых странах в период пандемии COVID-19 // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9, № 1. С. 109–144. DOI [10.17323/demreview.v9i1.14576](#). EDN [KBAFVA](#).
40. Цапенко, И. П. Демографический фактор социального развития / И. П. Цапенко, К. А. Субхангулова // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 11. С. 977–988. DOI [10.31857/S0869587324110023](#). EDN [SFEHEG](#).
41. Родина, О. А. Региональная вариация рождаемости и ее связь с социально-экономическим положением российских регионов // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 2. С. 63–103. DOI [10.17323/demreview.v10i2.17766](#). EDN [CCUIZC](#).
42. Ткаченко, А. А. Демографическое развитие России: тупик или надежда? (демографические заметки пессимиста) // Власть. 2023. Т. 31, № 5, С. 115–128. DOI [10.31171/vlast.v31i5.9809](#). EDN [QZTDSC](#).
43. Balbo, N. Fertility in Advanced Societies: A Review of Research / N. Balbo, F. C. Billari, M. Mills // European Journal of Population. 2013. Vol. 29, №1. Pp. 1–38. DOI [10.1007/s10680-012-9277-y](#).
44. Basten, S. Future Fertility in Low-Fertility Countries / S. Basten, T. Sobotka, K. Zeman // World Population and Human Capital in the Twenty-First Century / W. Lutz, W. P. Butz, K. C. Samir (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2014. Pp. 39–146. DOI [10.1093/acprof:oso/9780198703167.003.0003](#).
45. Sobotka, T. Policy Responses to Low Fertility: How Effective Are They? / T. Sobotka, A. Matysiak, Z. Brzozowska // UNFPA Technical Division. Working Paper Series. Population & Development Branch. Working Paper № 1. 2019. 98 p. DOI [10.13140/RG.2.2.36394.16329](#).
46. Hamam, S. Towards for a Worldwide Strategy to Combat Infertility: A Demographic Winter / S. Hamam, M. Lherbet // Journal of Gynecology Obstetrics and Human Reproduction. 2024. Vol. 53, № 8. DOI [10.1016/j.jogoh.2024.102838](#).
47. Faddy, M. A Demographic Projection of the Contribution of Assisted Reproductive Technologies to World Population Growth / M. Faddy, M. Gosden, R. Gosden // Reproductive BioMedicine Online. 2018. Vol. 36, №4. DOI [10.1016/j.rbmo.2018.01.006](#).

Сведения об авторах

Жадунова Наталья Владимировна, кандидат философских наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом социально значимых проектов и инициатив, Научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия.

Контактная информация: e-mail: zhadunovan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9058-0488](https://orcid.org/0000-0002-9058-0488); РИНЦ SPIN-код: [9681-3239](https://elibrary.ru/9681-3239); Web of Science Researcher ID: [V-7451-2018](https://orcid.org/V-7451-2018); Scopus Author ID: [57217631646](https://orcid.org/57217631646).

Максимкина Ольга Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия.

Контактная информация: e-mail: maximkinaoi@mail.ru; ORCID ID: [0009-0000-2813-1561](https://orcid.org/0009-0000-2813-1561); РИНЦ SPIN-код: [6249-1967](https://elibrary.ru/6249-1967).

ПакмUTOва Елена Даниловна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия.

Контактная информация: e-mail: pahmutova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-2317-4778](https://orcid.org/0000-0003-2317-4778); РИНЦ SPIN-код: [4537-7024](https://elibrary.ru/4537-7024).

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; принята в печать 02.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

STATE PRONATALIST STRATEGIES: APPROACHES, PRACTICES, PROBLEMS

Natalia V. Zhadunova

*Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia*

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Olga I. Maksimkina

*Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia*

E-mail: maximkinaoi@mail.ru

Elena D. Pakhmutova

*Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia*

E-mail: pahmutova@mail.ru

For citation: Zhadunova, N. V., Maksimkina, O. I., Pakhmutova, E. D. *State Pronatalist Strategies: Approaches, Practices, Problems.* DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 40–58. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.3). (In Russ.)

Abstract. The article analyzes modern approaches to pronatalism as a government strategy aimed at boosting the birthrate, compares existing practices, identifies key problems and limits of pronatalist policies. The study uses Russian and international publications, reports from international organizations and statistical data provided by Rosstat. Pronatalism is analyzed in terms of its diverse implementations in Russia and other European countries, which differ in their national, religious and socio-cultural backgrounds. The authors argue that pronatalistic policies are largely influenced by value and normative changes, as well as transformations in personal and societal priorities, in which the traditional family and parenthood are no longer seen as the primary focus. These processes can be influenced through various methods, some of which have advantages but also significant drawbacks, such as replacing family values with economic considerations, increasing the burden on working women who must balance family, childcare and career, and facing ethical and psychological challenges.

Keywords: pronatalism, values, family, childbearing, demographic and family policy, total fertility rate

References

1. Aitken, R. J. What is Driving the Global Decline of Human Fertility? Need for a Multidisciplinary Approach to the Underlying mechanisms. *Frontiers in Reproductive Health*. 2024. Vol. 6. Pp. 1–17. DOI [10.3389/frph.2024.1364352](https://doi.org/10.3389/frph.2024.1364352).
2. Vollset, S. E., Goren, E., Yuan, C. W. et al. Fertility, Mortality, Migration, and Population Scenarios for 195 Countries and Territories from 2017 to 2100: A Forecasting Analysis for the Global Burden of Disease Study. *Lancet*. 2020. Vol. 396, No. 10258. Pp. 1285–1306. DOI [10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2).
3. Lutz, W., Skirbekk, V., Testa, M. R. The Low-Fertility Trap Hypothesis: Forces that May Lead to Further Postponement and Fewer Births in Europe. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2006. No. 4. Pp. 167–192.
4. McDonald, P. Low Fertility and the State: The Efficacy of Policy. *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32, No. 3. Pp. 485–510. DOI [10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x).
5. DeRose, L. F. Gender Equity, Religion, and Fertility in Europe and North America. *Population and Development Review*. 2021. Vol. 47, No. 1. Pp. 41–55. DOI [10.1111/padr.12373](https://doi.org/10.1111/padr.12373).
6. McQuillan, K. When Does Religion Influence Fertility? *Population and Development Review*. 2004. Vol. 30., No. 1. Pp. 25–56. DOI [10.1111/j.1728-4457.2004.00002.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2004.00002.x).
7. Buber-Ennsner, I., Berghammer, C. Religiosity and the Realisation of Fertility Intentions: A Comparative Study of Eight European Countries. *Population, Space and Place*. 2021. Vol. 27, No. 6. DOI [10.1002/psp.2433](https://doi.org/10.1002/psp.2433).
8. Fu, Yu. Socio-Economic Causes and Economic Consequences of Low Birth Rates in Russia. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2025. Vol. 9, No. 6(159). Pp. 175–181. DOI [10.36871/ek.up.p.r.2025.06.09.020](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.06.09.020). (In Russ.).
9. GBD 2021 Fertility and Forecasting Collaborators. Global Fertility in 204 Countries and Territories, 1950–2021, with Forecasts to 2100: A Comprehensive Demographic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *Lancet*. 2024. Vol. 40. No. 0440. Pp. 2057–2099. DOI [10.1016/S0140-6736\(24\)00550-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(24)00550-6).
10. Lee, M., Zeman, K. Childlessness in Korea: Role of Education, Marriage Postponement, and Marital Childlessness. *Demographic Research*. Vol. 51, Art. 21, Pp. 669–686. DOI [10.4054/DemRes.2024.51.21](https://doi.org/10.4054/DemRes.2024.51.21).
11. Volant, S., Pison, G., Héran, F. French Fertility is the Highest in Europe. Because of its Immigrants? *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 1. Pp. 118–126. DOI [10.17323/demreview.v7i1.10823](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10823). (In Russ.).
12. Ivanov, S. F. The Central Mechanism of the Demographic Transition. *Demographic Review*. 2022. Vol. 9, No. 3. Pp. 4–23. DOI [10.17323/demreview.v9i3](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3). (In Russ.).
13. Aassve, N., Cavalli, L., Mencarini, N., Plach, S., Sanders, S. Early Assessment of the Relationship between the COVID-19 Pandemic and Births in High-Income Countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2021. Vol. 118, No. 36. Art. e2105709118. DOI [10.1073/pnas.2105709118](https://doi.org/10.1073/pnas.2105709118).
14. Bailey, M. J., Currie, J., Schwandt, H. The COVID-19 Baby Bump in the United States. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2023. Vol. 120, No. 34. Art. e2222075120. DOI [10.1073/pnas.2222075120](https://doi.org/10.1073/pnas.2222075120).
15. Vakulenko, E., Makarova, M., Gorskiy, D. Reproductive Intentions and Fertility Trends in Different Countries during the COVID-19 Pandemic: An Analytical Review of Studies. *Demographic Review*. 2022. Vol. 9, No. 4. Pp. 138–159. DOI [10.17323/demreview.v9i4.16747](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747). (In Russ.).
16. Kazenin, K. I., Mitrofanova, E. S. Changes in Fertility amid the COVID-19 Pandemic: A Study of Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 2. Pp. 14–30. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2370](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370). (In Russ.).
17. Arkhangelskiy, V. N., Kozlova, O. A., Kalachikova, O. N. The Importance of Research on Reproductive Intentions for Fertility Forecasting. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025. Vol. 18, No. 3. Pp. 223–235. DOI [10.15838/esc.2025.3.99.12](https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.12). (In Russ.).
18. Andreev, E. M., Churilova, E. V., Rodina, O. A., Chertenkov, K. O. Russian Fertility in the 21st Century and Prospects for Its Increase. *Demographic Review*. 2025. Vol. 12, No. 2. Pp. 87–107. DOI [10.17323/demreview.v12i2.27495](https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495). (In Russ.).
19. Gudkova, T. B. Fertility Intentions in Russia: Motivation and Constraints. *Demographic Review*. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 83–103. DOI [10.17323/demreview.v6i4.10428](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428). (In Russ.).
20. Zemlyanova, E. V., Chumarina, V. Zh. Births' Postponement by Women in Russia within Modern Socio-Economic Context. *Social Aspects of Population Health*. 2018. No. 6(64). P. 9. DOI [10.21045/2071-5021-2018-64-6-9](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2018-64-6-9). (In Russ.).

21. Ekimova, N. A. Modeling Demographic Growth in Russia: Factors, Mechanisms, Reserves. *Journal of Applied Economic Research*. 2025. Vol. 24, No. 2. Pp. 386–414. DOI [10.15826/vestnik.2025.24.2.013](https://doi.org/10.15826/vestnik.2025.24.2.013). (In Russ.).
22. Subkhangulova, K. A. Family Policy in Central and Eastern European Countries in the 2000–2020-s. *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 2. Pp. 44–61. DOI [10.17323/demreview.v11i2.21826](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826). (In Russ.).
23. Sakevich, V. I., Denisov, B. P. Regional Characteristics of Birth Control in Russia in 2018–2022. *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 3. Pp. 67–87. DOI [10.17323/demreview.v11i3.22715](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22715). (In Russ.).
24. Kishenin, P. A., Zinina, A. I., Maksimova, T. A. The Intensity of Fertility Decline is Increasing Worldwide: Is a Low Fertility Trap Increasingly Likely? *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 4. Pp. 4–43. DOI [10.17323/demreview.v11i4.24288](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288). (In Russ.).
25. Isupova, O. G. Population and Family Policy in Different Countries: Conceptual Approaches and Practices. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 3. Pp. 51–83. DOI [10.17323/demreview.v7i3.11636](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11636). (In Russ.).
26. Verbenskaya, A. V., Kamarova, T. A., Tonkikh, N. V. Non-Standard Demographic Policy Solutions Aimed at Increasing the Birth Rate. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 82–98. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5). (In Russ.).
27. Antonov, A. I., Medkov, V. M., Arkhangelsky, V. N. *Demograficheskiye protsessy v Rossii XXI veka [Demographic processes in Russia in the 21st century]*. Ex. ed. by A. I. Antonov. Moscow : Graal Publishing House, 2002. 167 p. ISBN 594688025X. (In Russ.).
28. Borisov, V. A. *Perspektivy rozhdayemosti [Fertility prospects]*. Moscow : Statistika Publishing House, 1976. 248 p. (In Russ.).
29. Smetanina, E. S. Sociological Analysis of the Birth Rate Problem in a Modern Russian Family. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2013. No. 1(34). Pp. 107–112. (In Russ.).
30. Shestakov, K. A. The Role of Axiology Factor in Management of Reproductive Behavior. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2008. No. 3. Pp. 73–75. (In Russ.).
31. Sergeyev, Y. N., Kulesh, V. P., Dmitriev, V. V. A New Concept of Demographic Transition. *Biosphere*. 2020. No. 4. Pp. 175–195. DOI [10.24855/BIOSFERA.V12I4.557](https://doi.org/10.24855/BIOSFERA.V12I4.557). (In Russ.).
32. Esping-Andersen, G. The Incomplete Revolution: Adapting to Women's New Roles. *European Sociological Review*. 2011. Vol. 27, No. 2. Pp. 288–290. DOI [10.2307/41236591](https://doi.org/10.2307/41236591).
33. Gauthier, A. H. The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature. *Population Research and Policy Review*. 2007. Vol. 26, No. 3. Pp. 323–346. DOI [10.1007/s11113-007-9033-x](https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x).
34. Breuil-Genier, P., Borrel, C., Lhommeau, B. Les immigrants, les descendants d'immigrants et leurs enfants. *France, portrait social*. 2011. Pp. 33–39. (In French).
35. Sobotka, T., Skirbekk, V., Philipov, D. Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. 2011. Vol. 37, No. 2. Pp. 267–306. DOI [10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x).
36. Cook, L., Yarskaia-Smirnova, L., Kozlov, V. Trying to Reverse Demographic Decline: Pro-Natalist and Family Policies in Russia, Poland and Hungary. *Social Policy and Society*. 2022. Vol. 22, No. 2. Pp. 1–21. DOI [10.1017/S1474746422000628](https://doi.org/10.1017/S1474746422000628).
37. Denisenko, M. B., Kvasha, E. A., Mkrtychyan, N. V., Kharkova, T. L. Demografia i migratsiya [Demography and migration]. *Trendy. Sobytiya. Tsifry. Informatsionnyy byulleten' [Trends. Events. Numbers. Newsletter]*. 2024. No. 1. 14 p. (In Russ.).
38. Smirnov, A. V. Demographic and Economic Consequences of the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 22–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2). (In Russ.).
39. Serechkina, E. A. Fertility Trends in Developed Countries during the COVID-19 Pandemic. *Demographic Review*. 2022. Vol. 9, No. 1. Pp. 109–144. DOI [10.17323/demreview.v9i1.14576](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14576). (In Russ.).
40. Tsapenko, I. P., Subkhangulova, K. A. Demographic Factor of Social Development. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2024. Vol. 94, No. 11. Pp. 977–988. DOI [10.31857/S0869587324110023](https://doi.org/10.31857/S0869587324110023). (In Russ.).
41. Rodina, O. A. Regional Variation of Fertility and Its Relation to the Socio-Economic Development of Russian Regions. *Demographic Review*. 2023. Vol. 10, No. 2. Pp. 63–103. DOI [10.17323/demreview.v10i2.17766](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17766). (In Russ.).

42. Tkachenko, A. A. Demographic Development of Russia: Dead End or Hope? (Demographic Notes of a Pessimist). *Vlast'*. 2023. Vol. 31, No. 5, Pp. 115–128. DOI [10.31171/vlast.v31i5.9809](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i5.9809). (In Russ.).
43. Balbo, N., Billari, F. C., Mills, M. Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European Journal of Population*. 2013. Vol. 29, No.1. Pp. 1–38. DOI [10.1007/s10680-012-9277-y](https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y).
44. Basten, S., Sobotka, T., Zeman, K. Future Fertility in Low-Fertility Countries. In: *World Population and Human Capital in the Twenty-First Century*. W. Lutz, W. P. Butz, K. C. Samir (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2014. Pp. 39–146. DOI [10.1093/acprof:oso/9780198703167.003.0003](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198703167.003.0003).
45. Sobotka, T., Matysiak, A., Brzozowska, Z. Policy Responses to Low Fertility: How Effective Are They? *UNFPA Technical Division. Working Paper Series. Population & Development Branch*. Working Paper No. 1. 2019. 98 p. DOI [10.13140/RG.2.2.36394.16329](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36394.16329).
46. Hamam, S., Lherbet, M. Towards for a Worldwide Strategy to Combat Infertility: A Demographic Winter. *Journal of Gynecology Obstetrics and Human Reproduction*. 2024. Vol. 53, No. 8. DOI [10.1016/j.jogoh.2024.102838](https://doi.org/10.1016/j.jogoh.2024.102838).
47. Faddy, M., Gosden, M., Gosden, R. A Demographic Projection of the Contribution of Assisted Reproductive Technologies to World Population Growth. *Reproductive BioMedicine Online*. 2018. Vol. 36, No. 4. DOI [10.1016/j.rbmo.2018.01.006](https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2018.01.006).

Bio notes

Natalia V. Zhadunova, Candidate of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of Socially Significant Projects and Initiatives, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia.

Contact information: e-mail: zhadunovan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9058-0488](https://orcid.org/0000-0002-9058-0488); RSCI SPIN-code: [9681-3239](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=9681-3239); Web of Science Researcher ID: [V-7451-2018](https://www.researcherid.org/rid/V-7451-2018); Scopus Author ID: [57217631646](https://orcid.org/57217631646).

Olga I. Maksimkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Senior Researcher, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia.

Contact information: e-mail: maximkinaoi@mail.ru; ORCID ID: [0009-0000-2813-1561](https://orcid.org/0009-0000-2813-1561); RSCI SPIN-code: [6249-1967](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=6249-1967).

Elena D. Pakhmutova, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Senior Researcher, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia.

Contact information: e-mail: pahmutova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-2317-4778](https://orcid.org/0000-0003-2317-4778); RSCI SPIN-code: [4537-7024](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=4537-7024).

The article was received on 25.12.2025; accepted for publication on 02.03.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.